

DOI <https://doi.org/10.30525/2592-8813-2021-1-3>

Александр Байков

КАТЕГОРИЯ РАЦИОНАЛЬНОСТИ ЧАСТНОГО ПРАВА

Duo sunt instrumenta ad omnes res aut confirmandas aut impugnandas, – ratio et autoritas.

(Имеются два средства подтверждения или опровержения всех вещей – разум и авторитет)

Рациональность как фундаментальная характеристика

человеческой деятельности есть культурная ценность.

В. Н. Порус

Аннотация

В статье анализируются одинаково важные как для философии, так и для права проблемы рациональности, ее роль и значение в правовом регулировании. Актуальность исследования определяется отсутствием четких критериев, определяющих природу и характер рациональности названных, разнообразием понимания ее содержания, роли и значения в процессе правового регулирования. Цель исследования заключается в установлении природы, взаимосвязи и взаимообусловленности рациональности и разумности частного права. В этой связи в работе использовались системно-логический, формально-догматический, функциональный, сравнительно-правовой методы исследования. В работе обращается внимание на содержательные различия рациональности и разумности, которые и сегодня нередко отождествляются, отмечается очевидная взаимосвязь, разумности, справедливости и добросовестности и одновременно подчеркивается их самостоятельность, синонимичность понятий разумности, выделяются критерии рациональности и критерии разумности, подчеркивается несводимость разумности к правомерности, выделяются присущие разумности признаки, каковыми являются целесообразность и правомерность.

Разумность представляет собой не только субъективную категорию, но и, прежде всего, объективно выраженное в позитивном праве требование, обращенное ко всем участникам регулируемых правом общественных отношений, т.е. категорию объективную. В свою очередь определенность права выражается как его разумность. В работе прослеживается проявление категории разумности в международно-правовых актах и нормативно-правовых актах ряда национальных правовых порядков

Ключевые слова: рациональность, разумность, целесообразность, добросовестность, справедливость, правомерность.

Alexander Baykov

RATIONALITY CATEGORY OF PRIVATE LAW

Abstract

The article analyzes equally important both for philosophy and law issues of rationality, considers the categories of reasonableness of private law, their role and significance in the legal regulation. The relevance of the study is determined by the lack of clear criteria for determining the nature

© Александр Байков

Dr. iur. доцент (Резекненская Технологическая Академия, Резекне, Латвия)

and character of these categories, by the diversity of understanding of their content, role and significance in the process of legal regulation. The purpose of the study is to establish the nature, interconnection and interdependence of rationality, reasonableness of private law, show how they differ from close-by categories of justice, fairness, legality and appropriateness. In this regard, the study used system-logical, formal-dogmatic, functional, comparative-legal research methods. The study draws attention to the essential differences between rationality and reasonableness, which today are often identified, specifies clear relationship of reasonableness, justice and fairness, and at the same time emphasizes their autonomy, synonymy of rationality, meanings underlines the criteria of rationality and reasonableness, emphasizes the irreducibility of reasonableness to the legitimacy, highlights the signs inherent to reasonableness, which are appropriateness and legitimacy.

Reasonableness is not only a subjective category, but also, above all, is a requirement objectively expressed in positive law, addressed to all the participants regulated by the law of public relations, i.e., an objective category. In its turn, certainty of the law is expressed as its reasonableness. The study traces the manifestation of reasonableness category in the international legal acts and normative legal acts of a number of national legal orders.

Key words: rationality, reasonableness, appropriateness, justice, fairness, legitimacy.

Не секрет, что современное право переживает кризис идентичности, по существу являющийся следствием постоянной рационализации права. Он возник и развивается под непроходящим влиянием позитивизма науки, который усиливается действием двух факторов: (1) легитимацией права в привязке к авторитету власти; (2) все более настойчивым использованием в праве логики. В итоге право все более и более превращается в закрытую, косную, не способную к адаптации и дальнейшему развитию систему. В свою очередь открытая неравновесная система находится в состоянии постоянного движения, изменений, что, в конце концов, ведет к ее упорядочению.

В последние годы в правовой науке все настойчивее звучит критика рациональности при понимании права (Честнов 2002, с. 44 – 56; Мальцев 2011). Серьезное влияние рациональность права испытывает со стороны разного рода постмодернистских и иррациональных подходов восприятия и интерпретации права, что, конечно же, порождает сомнения относительно классической рациональности. В этой связи необходимо обращение к исследованию проблем рациональности и иррациональности права, его разумности в правовом регулировании, а равно пониманию рациональности мнения по поводу выхода за пределы научной рациональности, которая связывается с логически замкнутыми системами (Честнов 2007).

Природа рациональности, ее роль и значение в человеческой деятельности является одной из актуальных проблем, исследуемых, как в философской, так и юридической литературе. Немецкий философ В. Циммерли замечает, что «...основная и ключевая проблема, вокруг которой движется континентально-европейская философия наших дней, – это проблема рациональности и ее границ» (Хьюбнер 1994, с. 327).

Рациональность, начиная с эпохи Просвещения, очевидно, становится системообразующим элементом культуры в целом. По существу, проблема рациональности выступает в качестве принципа культуры, а также способа отношения человека к окружающему миру, предполагающего нацеленность и успешность соответствующего действия, поскольку в качестве обязательного условия рационального отношения к миру, рациональной деятельности выступает осознание актором анализа его положения в той социальной реальности, в которой он находится.

Вместе с тем абсолютизировать лишь рациональную сторону было бы неверно. Еще Г.В.Ф. Гегель справедливо писал: «...то, что мы называем рациональным, принадлежит на самом деле области рассудка, а то, что мы называем иррациональным, есть скорее начало и след разумности...» (Гегель 1974, с. 416 – 417). В этой связи следует заметить, что термин «рациональ-

ность» происходит от латинского слова «ratio» – «разум», а производный от него «рационализм» «rationalis» – означает «разумный». Связь рационального и разумного несомненна. «Разумное, рациональное имеет исторический характер, развивается вместе с человеческой практикой и свидетельствует о степени овладения человеком явлениями объективной реальности, способности человека управлять процессами» (Копнин 1973, с. 122). Вместе с тем следует заметить, что отождествление понятий «рациональность» и «разум», произошедшее под влиянием античной, по своей сути логоцентрической традиции, несмотря на их тесную взаимосвязь, не означает отрицания их самостоятельности, а в этой связи отсутствие необходимости исследований не только рациональности, но и разумности, а посему определенности права и упорядоченности человеческого бытия, сохранение устоявшегося социального порядка. В конечном счете, именно в этом состоит общечеловеческая, социокультурная ценность права.

Поскольку в правовой реальности человек утрачивает свои индивидуальные черты и становится социальной, правовой абстракцией, а еще точнее – правовым существом, сама правовая реальность предстает как система координат естественного и искусственного, постольку возрастает роль и значение исследований соотношения естественного и искусственного, меры значения права в обществе.

Проблема рациональности в философском мышлении занимала еще древних греков. Достаточно выпукло эта проблема была заявлена уже Парменидом и элеатами: истинное знание может дать лишь разум, и если чувства противоречат ему, то это от того, что они лгут. Чувства говорят нам о подвижности, текучести бытия, в то время как разум, наоборот, заставляет признать его неизменность, неделимость и т. д. В качестве иллюстрации возникающего в этой связи противоречия можно сослаться на апории Зенона.

Наиболее емкое и сравнительно полное определение «рационального» принадлежит Н. Мудрагей: «Рациональное – это логически обоснованное, теоретически осознанное, систематизированное универсальное знание предмета ... это в гносеологическом плане. В онтологии – предмет, явление, действие, в основе которого лежит закон, формообразование, правило, порядок, целесообразность» (Мудрагей 1996, с. 73).

Для сторонников теории экономического анализа права «...рациональность есть способность и склонность к использованию инструментальных рассуждений для достижения успеха в жизни» (Познер 2004, с. 21).

В. С. Стёпин, выделяет три исторически сменяющих друг друга типа рациональности: (1) классическую, которой присущ такой характер отношений субъекта и объекта, который элиминирует субъекта познания и знания, (2) неклассическую, признающую влияние субъекта на объект посредством способов и методов познания; (3) постнеклассическую, для которой субъект – объектное отношение представляет собой обоюдное воздействие, в результате которого меняется как субъект, так и объект. В отличие от классической и неклассической рациональности постнеклассическая рациональность не только принимает во внимание связь знаний об объекте со средствами его получения, но и соотносит сами внутринаучные цели «...с вненаучными, социальными ценностями и целями» (Стёпин 1999, с. 633 – 634). Он отмечает: «В разную историческую эпоху по-разному понимались природа научного знания, процедуры его обоснования и стандарты доказательности. Но то, что научное знание отлично от мнения, что оно должно быть обосновано и доказано, что наука не может ограничиваться непосредственными констатациями явлений, а должна раскрыть их сущность, – все эти нормативные требования выполнялись и в античной, и в средневековой науке, и в науке нашего времени» (Стёпин, Горохов, Розов 1995, с. 214). В рациональности есть как неизменное содержание, так и содержание изменяющееся. Для В. С. Стёпина неизменным является субъект – объектное отношение, меняется же характер этого отношения. При этом одним из определяющих проявлений постклассического миропонимания является принцип стохастичности,

неопределенности, характерный, с точки зрения теории вероятностей, для всех развивающихся во времени процессов, ограничивающий возможности человеческого разума по описанию, объяснению и преобразованию социального мира, а в этой связи вызывающий неуверенность в настоящем, а тем более в будущем. Современность, как писал З. Бауман – это «...состояние перманентной и повсеместной неопределенности...», это совокупный опыт неуверенности человека в его положении, в правах и доступности средств к существованию, неопределенности относительно преемственности и будущей стабильности, отсутствия безопасности для физического тела человека, личности и их продолжений – имущества, социального окружения, сообщества» (Бауман 2005, с. 151, 194).

Рациональное отношение к миру обязательно предполагает нацеленность на эффективность, на успешность действия, так что обязательным условием рациональной деятельности и рационального отношения к миру выступает специальное усилие сознания по анализу позиций самого субъекта, по отношению к той реальной ситуации, в которой он, собственно говоря, и находится. При этом постнеклассическая рациональность связана с адекватным пониманием проблемной ситуации, в которой находится субъект действия в результате сознательного управления собственным поведением. Такая рациональность предполагает два обязательных условия: (1) рефлексивный самоконтроль и (2) учет требований реальности. Собственная ответственность и рефлексивный самоконтроль определяют свободу субъекта действия, которая противостоит субъективной зависимости от внешних сил.

Рациональность предполагает альтернативность поведения, возможность выбора вариативных способов действия. В зависимости от того, какие слои ментальных предпосылок деятельности и в какой степени становятся предметом рефлексивного контроля в процессе их объективирующего моделирования, устанавливаются различные уровни и степени рационализации деятельности.

Присущая рациональности свобода выбора реализуется в поисках оптимального способа достижения определенных целей, причем степени рациональности зависят от характера и масштаба выбранных в данной парадигме целей, видов деятельности, ориентиров, моделей поведения и т. д. В современной литературе на первый план выходит идея открытой рациональности, основа которой заключается в осознанной готовности к постоянному совершенствованию основания мироориентации человека как свободного субъекта, контролирующего свои позиции по отношению к окружающему его миру.

Рациональность характеризует самые разные виды деятельности. На уровне обыденного сознания нередко утверждается рациональность мира, природы. Вместе с тем понятно, что рациональным или иррациональным может быть не окружающий человека мир, а лишь его деятельность. Как в свое время совершенно справедливо отмечал П. В. Копнин «...понятие рационального и иррационального надо непосредственно выводить не из природы, а из человеческой практики» (Копнин 1968, с. 119). Многообразие видов человеческой деятельности определяется различными критериями рациональности. Например, для М. Вебера она означает расчетливость, установку на прибыльность, для К. Поппера открытость для критики, а для С. Тулмина – это логическое обоснование этических норм или процедур научного исследования. Вместе с тем, проблема рациональности по-прежнему далека от своего решения. При этом нужно иметь в виду, что любого рода человеческая деятельность, политические и социальные институты, включая право, не может быть исключительно рациональной. Это своеобразный симбиоз рационального и иррационального. По мнению З. Фромма «...власть может быть либо «рациональной», либо «иррациональной. Рациональная власть основана на компетентности; такая власть способствует росту человека, который на нее опирается. Иррациональная власть зиждется на силе и служит для эксплуатации того, кто ей подчиняется» (Фромм 1986, с. 66). Понятно, что столь резкое противопоставление вряд ли оправдано. Посему подразделение власти на рациональную и ирраци-

ональную носит более, чем условный характер. Для права цитируемый подход важен тем, что он нацеливает на поиск и исследование не только рационального, но и иррационального в праве.

Нельзя также не учитывать, что если для естественных и технических наук, хотя и известными оговорками, методология рационализма органична и плодотворна, то в сферах политики, культуры и права, где иррациональное не менее ощутимо и значимо, дело обстоит иначе. Как сказал один из великих мыслителей «...я никогда не сделал бы своих открытий в процессе рационального мышления».

Теория классической рациональности, органично присущая классической картине мира, понимающая мир как «большую машину» (Мальцев 2011; Честнов 2002, с. 15, 44 – 56), в той мере, в какой она воспроизводится и сегодня, неизменно использовала и использует механистические образы, что в правоведении поныне выражается в использовании терминов: «механизм правового регулирования», «юридический механизм» и т.д. Конечно, рассуждая в прагматическом контексте, образ четко действующего механизма как идеальной модели правового регулирования, функционирования правовой жизни не может оставить равнодушным. Понятно стремление авторов схематизировать реальность, в т.ч. правовую, уложить ее в прокрустово ложе заранее заданных схем, но при этом упускается из виду, что общество не механистично и право, как сложная динамическая система, по существу вырастающая в социальную среду, при известных условиях способно к самонастройке и саморазвитию (Мальцев 2011, с. 64). Своеобразная доминанта механистической картины мира – это выражение духа своего времени. Заняв место бога, наука содействовала созданию культуры, ориентированной на технические решения, точные знания, на машину как таковую (Стёпин 2012, с. 66). Следствием господства механистических взглядов стало провозглашение правоведения в качестве науки основанной на точных знаниях, а в этой связи господство нормативизма (юридического позитивизма).

Иначе дело обстоит в постклассической (постнеклассической) карте мира, определяющей содержание и сущность социальных институтов, включая право, современного, постиндустриального, информационного общества, характерной чертой которого является понимание происходящих в нем процессов и явлений как сложных саморазвивающихся систем, для которых характерен процесс постоянного развития, переход от одного вида саморегуляции, выступающей в качестве устойчивого состояния, к другому виду. «В современной науке он описывается в рамках динамики неравновесных систем и синергетики» (Стёпин 2012, с. 13). Важно подчеркнуть, что классическая рациональность заменяется на коммуникативную.

Из ранее упоминавшегося принципа неопределенности неизбежно вытекает неисчерпаемость любого социального явления или процесса, невозможность его единственно верного описания, объяснения; релятивности – как относительности к господствующим социальным представлениям;

В конечном счете, анализ природы рациональности опирается на теорию рационального выбора, именуемой также теориями общественного выбора, коллективного выбора, социального выбора, теорией игр, моделированием рационального действия, позитивной политической экономией, экономическим подходом в эмпирических исследованиях политики и общества. По существу, эти теории ничто иное, как социологические направления исследований социальной реальности. В одном из энциклопедических словарей теория рационального выбора рассматривается как «формальный и дескриптивный подход к рассмотрению и объяснению социальной жизни в современном социально-научном знании, согласно которому социальная жизнь поддается объяснению с точки зрения актов «рационального выбора» действующих субъектов... Теория рационального выбора придерживается позиций методологического индивидуализма и пытается объяснить результаты социального взаимодействия решениями, принимаемыми рационально действующими субъектами. Общим ...является инструментальная концепция

индивидуальной рациональности, посредством которой индивиды максимизируют свою ожидаемую пользу формально предсказуемым образом. Широкое использование теории рационального выбора в исследованиях, проводимых в области социальных и политических наук, можно рассматривать как своеобразную «интервенцию» модели *homo oeconomicus* в эти дисциплины... Принадлежит к числу дескриптивных подходов в социальном теоретизировании, теория рационального выбора пытается исходить из строгих теоретических моделей и объяснять человеческое поведение на основе относительно небольшого числа теоретических предположений относительно «рациональности человеческого поведения». Эти положения, как правило, касаются максимизации пользы, последовательности рационального действия, принятия решений в ситуации неопределенности, главенствующей роли принципа методологического индивидуализма при объяснении результатов коллективного действия, а также неизменности структуры вкусов и предпочтений действующих лиц» (Хеффе, Малахов, Филатов 2009, с. 173). Предтечей теории рационального выбора является неонституционализм (Нуреев 2005, с. 19).

К рациональности апеллируют и право, и логика, отождествляя ее с созданием формальных моделей. Если для логики основным является подчиненность рационального действия универсальным законам мышления, то для права свойственно подчинение поведения людей относительным правовым установлениям. Другими словами, рациональность права – это лишь свойство, которое или присуще, или не присуще того или иного рода деятельности, осуществляемой в соответствии с требованиями правовых норм. Любого рода деятельность, в т.ч. и в сфере права носит целевой характер, означающей, что субъект права проявляет активность, стремясь достичь какой-то цели, а в этой связи, действуя разумно, выбирает предусмотренные законом средства и способы ее достижения. Сказанное означает, что само понятие рациональности применимо к таким параметрам деятельности как цель и собственно действие. При этом рациональность целей любых видов человеческой деятельности, в т.ч. и в сфере регулируемых правом отношений, прежде всего, задается общечеловеческими целями, которые в данной сфере корректируются и уточняются целями действия, соответствующих правовых норм. Что касается рационализации соответствующих действий, то, как отмечается в философской литературе, она определяется через обеспечение практической реализации следующих параметров, составляющих ее действий, в числе которых: (1) законосообразность; (2) целенаправленность; (3) целесообразность; (4) результативность (Никифоров 2008, с. 11, 187). По мнению В.Е. Никифорова законосообразность представляет собой соответствие действий объективным закономерностям; целенаправленность предстает как направленность действия на достижение цели деятельности, в т.ч. и в случаях изменения ее программы; целесообразность выражается в соответствии действия субъекта независимо от изменения внешних условий ее осуществления; результативность рассматривается как полезность действия для достижения цели деятельности без учета как потерь, так и того положительного эффекта, которые до начала осуществления действий предвидеть было невозможно (Никифоров 2008, с. 187).

Все многообразие критериев рациональности выражается в нормах, эталонах, идеалах соответствующих видов деятельности. В этом смысле правовая норма, предполагающая достижение той или иной цели, выступает в качестве идеальной модели, включающей в себя не только цель, но и конкретную жизненную ситуацию, предусмотренную в законодательстве в качестве простого или сложного юридического факта (фактического состава), а точнее правовой модели фактических обстоятельств, закрепленных в гипотезе правовой нормы. Свое завершение активность субъекта находит в правовом результате, который, как ни странно это прозвучит, далеко не всегда находится в одной плоскости, совпадает с целью. При этом понятно, что даже если поставленная цель в силу тех или иных причин не достигнута, какой-то результат, в т.ч. правовой – наступит. В этой связи, деятельность, осуществлявшаяся в соответствии с требованиями правовых норм, будет рациональна при условии достижения соответствующей

щей цели. Соответственно, правовые нормы, как имплицативные умозаключения, обеспечивающие такого рода деятельность, по определению рациональны, поскольку они обеспечивают достижение определенной цели, конечно, в определенных условиях, при наступлении определенной ситуации, т. е. при наличии соответствующих юридических фактов.

Правоведение, равно как и философия, должно быть рациональным, что, однако, не отрицает его иррациональных оснований. А. Шопенгауэр отмечал, что философия, подобно маятнику, колеблется между рационализмом и иллюминизмом (иррационализмом). Первый основан на разуме, второй – на внутреннем просветлении, высшем сознании. Таким образом, начало философии – иррационально, но сама философия неизбежно заключена во внешнюю форму рационализма, так как ни в какой другой форме она попросту невозможна. «Отвлеченно, общо и отчетливо воспроизвести в понятиях всю сущность мира и как отраженный снимок показать ее разуму в устойчивых и всегда наличных понятиях – вот это и не что иное есть философия» (Шопенгауэр 1900, с. 98) и, конечно, право.

Известный российский юрист и социолог Б. А. Кистяковский считал наиболее распространенной формой рационального понятие. Он полагал, что, так как право включает в себя объективные и рациональные нормы, оно по сути своей является рациональным.

Суть рационалистической методологии, в которой ведущую роль играет анализ, а синтез носит подчиненный характер, в конечном счете, сводится к стремлению, руководствуясь принципом редукционизма, сложные явления в процессе их познания разделить на элементарные, простые части, а в этой связи найти одномерную связь причины и следствия. В этой связи в политической науке, в правоведении рационалисты стремятся к максимально возможному упрощению, примитивизации социальных отношений, к пониманию людей как абстракций. Но как отмечал Ф. А. фон Хайек рационалистическая методология, если она используется в целях организации экономической, социальной и политической жизни, заводит общество в тупик. Достаточно хорошо известен пример из античной философии.

Человеку не столько дана та социальная реальность, в которой он живет, функционирует, сколько он творит ее сам в соответствии со своими представлениями и интересами. Поэтому процесс преобразования и создания подлинной социальной действительности, соответствующей идеалам развития каждого человека, является делом рациональным, ибо рациональная мысль занята не только реконструкцией, но и реорганизацией, перестройкой (Рассел 1993, с. 160). В то же время в основе рациональности лежит разумность. Как отмечал Г. В. Ф. Гегель разум, принятый как понятие субъективного духа, есть знание (Гегель 1956, с. 228 – 231) и, следовательно, понимание чего-либо означает субъективное знание объективного. Соответственно, в правовой реальности, в отношениях с правовой материей человек, так или иначе, подвергает ее, включая нормы позитивного и объективного права, субъективного права в конкретном правоотношении оценке своего разума: то ли обыденного, то ли теоретического и др. с позиций соответствия права истинности, справедливости, социальному равенству, добросовестности, в конечном счете, гуманизму. Другими словами, применительно к пониманию права последнее выражается как субъективное знание права как объективного явления. Вместе с тем переоценка рациональности в социальной практике, в человеческом поведении вряд ли оправдана.

Вместе с тем в реальной действительности особенно, когда речь идет о еще не завершенной деятельности, осуществляемой не в виде одномоментного акта, а более или менее продолжительное время, обычно используется вторичное понятие рациональности. В этом случае рациональность чаще всего истолковывают как «разумность», как соответствие некоторым законам разума, стандартам и нормам «разумной» деятельности. Если деятельность соответствует этим законам и правилам, она оценивается как рациональная; если же субъектом (актором) нарушены какие-то нормы, его деятельность нерациональна. Вот эти законы, нормы, правила и образуют стандарт рациональности, лежащий в основе наших рациональных оценок,

позволяющий вынести суждение о рациональности или нерациональности деятельности еще до того, как она завершится: соответствует стандарту – рациональна; не соответствует – не рациональна. Рациональность как соответствие цели можно, вслед за М. Вебером, назвать «целерациональностью»; рациональность как соответствие некоторым нормам и правилам будем называть «логико-методологической» рациональностью (Никифоров 1995, с. 239 – 240).

При обсуждении проблемы рациональности мы, естественно, сталкиваемся с полисемией (многозначностью) этого понятия. С одной стороны, рациональность рассматривается в качестве методологического инструмента анализа, с другой, она выступает и как предмет анализа. Третий аспект проблемы состоит в том, что рациональность выступает в качестве ценности. Эти три разных определения и контекста рассмотрения проблемы влекут за собой как минимум три понимания, три основных смысла рациональности: (1) онтологическая, гегелевская рациональность: весь мир разумен (все действительно разумно, все разумное действительно), и человек разумен, так как он является определенным этапом развития мира, Мирового Разума. По Г.В.Ф. Гегелю рационален мир, и мышление человека, благодаря чему мы способны познавать мир достоверным образом; (2) гносеологическая, декартово-кантовская рациональность, утверждающая разумность мышления, согласно которой мир может быть каким угодно, мы точно не знаем, мы его рационально упорядочиваем, создаем рациональный образ мира разумом. И. Кант утверждал, что именно наше мышление упорядочивает мир рациональным образом, а о мире достоверно ничего неизвестно; (3) целерациональная, веберовская рациональность, согласно которой не мир и не мышление рациональны, рациональна только деятельность человека. При этом следует заметить, что М. Вебер имел в виду социальную деятельность, преследующую определенную цель. Попутно заметим, что понятие рациональности вышло на передний план, по выражению М. Хоркхаймера, в эпоху «помрачения разума». И вот для того, чтобы спасти «сухой остаток», сохранившийся после далеко зашедшей позитивистской секуляризации «Разума», М. Вебер и предлагает «ценностно нейтральное» понятие рациональности (Давыдов 1996, с. 71) и, соответственно, рационального как логически обоснованного, осознанного, выражающего логическую связь цели и средств (Вебер 1990, с. 602 – 643; Паретто 2008; Труфанов 2011). Ю. Хабермас ввел в веберовскую рациональность новый смысл: коммуникативная рациональность. По его мнению, целью рациональной деятельности является такая, благодаря которой тебя понимали бы другие, то есть понимание другими людьми, которую определяют в современной литературе как рациональность социальную, характеризуемую как «...любой рефлексивный акт (или его результат) индивидуального или группового субъекта социального действия, осуществляемый с помощью вербальных средств коммуникации» (Труфанов 2011).

По мнению Ю. Хабермаса основным недостатком классической философии эпохи модерна является монологичность (субъектно-объектная направленность) ее исследовательской парадигмы. В этой связи он предложил диалогичный (другими словами не субъектно-объектный, а интересубъектный) познания в процессе социальной коммуникации, соориентированной на достижение консенсуса, выражающийся в многовекторном диалоге, который ведется «...с помощью аргументов, позволяющих выявить общезначимое нормативное в высказываниях...» (Слоян 2008, с. 98) и расцениваемый им, с одной стороны, как процесс познания, а с другой – как процесс формирования познаваемой социальной реальности.

В конечном счете Ю. Хабермас рассматривал коммуникативную рациональность как «... символически транслируемую интеракцию. Она осуществляется в соответствии с обязательно принимаемыми нормами, которые определяют взаимные поведенческие ожидания, а также понимаются и признаются по крайней мере двумя действующими субъектами... В то время как состоятельность технических правил и стратегий зависит от состоятельности эмпирически истинных или аналитически правильных высказываний, значение социальных норм основано

лишь на интерсубъективном согласии по поводу интенций и гарантировано общим признанием своих обязательств» (Касавин, Порус 2009, с. 9). Другими словами, коммуникативная рациональность описывается признанными и принятыми на основе согласия нормами. Общая картина коммуникации для Ю. Хабермаса выглядит следующим образом: субъект стремится интенционально связать себя с другими, на основе, в рамках социальных норм, оказывая тем самым на других интенциональное влияние. Указанные правила, по существу, и есть коммуникативная рациональность. Важно подчеркнуть, что рациональность в понимании Ю. Хабермаса имеет процедурный, а не сущностный характер, согласно которому значимость нормы задается неизменным абстрактным, сущностным признаком, каковым, например, в либертаторной концепции права В.С. Нерсесянца является формальное равенство.

Вместе с тем, хотя Ю. Хабермас отрицательно относится к наличию априорной идеи или принципа, определяющего сущность решения, принятого в результате коммуникативного консенсуса, очевидно, его стремление в процедуре социального взаимодействия реализовать идею свободы, которая в этом случае неизбежно выражается в формальном равенстве участников этой процедуры. В конечном счете, именно трансцендентальный (субстанциональный) принцип формального равенства стоит за сформулированным им основополагающим процедурным принципом дискурсивной этики, в соответствии с которым «...та или иная норма лишь в том случае может претендовать на значимость, если все, до кого она имеет касательство, как участники практического дискурса достигают (или могли достичь) согласия в том, что эта норма имеет силу» (Хабермас 2000, с. 104). В коммуникативном дискурсе Ю. Хабермаса, утверждающего, что «...коммуникация, в которой был бы реставрирован ее политический характер, – вот единственная среда, в которой возможно то, что заслуживает имени рациональность...» (Марков 2000, с. 297), достаточно явно прослеживается гегелевская концепция единства права и государства.

Говоря о рациональной коммуникации, обычно имеют в виду либо ограничения коммуникационных процессов, накладываемых нашими представлениями о том, что же на самом деле рациональность. Но эти представления могут быть различны. Соответственно, принимая одни условия, коммуникации признаются рациональными, при условии их подчиненности определенным критериям, разумность которых не оспаривается и признается актерами изначально. А исходя из других представлений рациональными будут коммуникации, обеспечивающие достижение целей, выступающих как ценности, общие для всех участников коммуникации, в свою очередь, критерии рациональности отнесены к целям деятельности и могут меняться в случаях перехода от одной коммуникации к другой.

Таким образом, понятия «коммуникативная рациональность» и «рациональная коммуникация» далеко не одно и то же. Однако их противопоставление бессмысленно и контрпродуктивно. Представляется, что именно этой подход целесообразен и рационален.

Решение проблемы рациональности права в определенной мере зависит от типа правопонимания, под которыми подразумевают «философско-юридические концепции, содержащие исходные мировоззренческие принципы объяснения права как самостоятельного социального явления» (Шагиева 2011, с. 227): либо узкое (нормативное (нормативно-материалистическое)), либо широкое, представленные рядом теорий (Байтин 2005, с. 46). В этой связи следует заметить, что в научной литературе высказано мнение о наличии трех основных подходов к пониманию к праву. В частности, В. С. Нерсесянец полагал, таковыми являются: (1) сформировавшийся еще в 30-х годах XX века нормативный подход; (2) широкий подход, сторонники которого, начиная с середины 50-х годов XX века предлагали в содержание права помимо норм права включать правоотношения (С. Ф. Кечекьян, А. А. Пионтковский, А. К. Стальгевич и др.), правоотношения и правосознание (Я. Ф. Миколенко), субъективные права Л. С. Явич и др.) (2) подход, предложенный в 60-е годы XX века, «...представители которого обосновывают

такое понимание (и понятие), которое исходит из концепции различения права и закона» (Нерсесянц 1983, с. 37, 351 – 356).

При узком (нормативном) понимании права, по существу отождествляющим его с законом, достаточно сложно рассуждать о рациональности и иррациональности права. Так М. И. Байтин следующим образом определяет право: «Право – это система общеобязательных норм, которые выражают государственную волю общества, ее общечеловеческий и классовый характер, издаются или санкционируются государством и охраняются от возможных нарушений возможностью государственного принуждения; являются властно-официальным регулятором общественных отношений» (Байтин 2001, с. 81 – 82). Соответственно, при условии широкого понимания, когда, говоря словами Г. В. Мальцева, в XXI веке право «...будет основано на интеграции общественного и естественнонаучного знания, на существенном переосмыслении привычных для нас представлений о связях общества, природы, космоса, биологического и социального, материального и духовного, рационального и иррационального» (Мальцев 1999, с. 408). Другими словами, в правовом регулировании сочетаются рациональные и иррациональные начала. Говорить о рациональности в чистом виде, по-видимому, допустимо говорить лишь относительно позитивного права (законодательства).

Говоря о коммуникативной рациональности, нельзя не отметить значения своеобразного контроля разумности, которая, несмотря на оказываемое на акторов давление со стороны идеалов, ценностей, норм рационального поведения, предопределяемых соответствующим типом культуры, нередко встречающих неприятие, сопротивление с их со стороны, в той или иной мере содействует ограничению произвола и иррационализма. Вместе с тем было бы неверно переоценивать роль разумности в человеческом поведении. Как отмечал Б. Спиноза «...люди скорее следуют руководству слепого желания, чем разума» (Спиноза 1957, с. 291). В том же ключе рассуждал и Д. Юм, говоривший, что «...разум есть и должен быть лишь рабом аффектов» (Юм 1965, с. 556).

Попытки сформулировать понятие разумности, предпринятые философами, специалистами практически всех отраслей права, имеют долгую, хотя и безуспешную историю. В. М. Лебедев в этой связи отмечал: «Для того, чтобы решить дело на основе разумности, нужно этот смысл, разумность раскрыть, иначе никому не будет ясно, на каком основании принято решение» (Лебедев 2000, с. 199). Это тем более важно поскольку, наряду со свободой, справедливостью, целесообразностью, определенностью, разумность является одним из общечеловеческих измерений права. Тем не менее, как отмечал В. Садурский «...до сих пор не было предпринято каких-либо серьезных попыток привести виды разумности к общему знаменателю... Существующая ситуация в какой-то степени объяснима разграничениями между дисциплинами теории права и политической философии и неспособностью или нежеланием специалистов в каждой из этих областей вторгаться на чужую территорию» (Садурский 2008, с. 21).

Категория разумности как общеправовая категория проявляет себя не только во всех отраслях национального права, но и в международном праве. Так ст.1 Всеобщей декларации прав человека, принятой на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) 10 декабря 1948 года предусматривает, что «...все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства» (Всеобщая декларация ... 2021).

В толковых словарях «разумность» рассматривается как производное от прилагательного «разумный», означающего одаренный разумом, рассудительный, толковый, здравомыслящий. Несколько иначе раскрывается смысл этого слова С. И. Ожеговым и Н. Ю. Шведовой, которыми допускается три его значения: (1) обладающий разумом; (2) толковый рассудительный; (3) логичный, основанный на разуме, целесообразный. Другими словами, разумным является лицо, обладающее разумом.

Говоря о разумности, конечно, нельзя не упомянуть о достаточно глубоких исторических основаниях ее использования в социально-нормативном регулировании. Так в обеих редакциях «Домостроя» приводится следующее положение: «Плетью же в наказание острожно бить, и разумно, и больно, и страшно, и здорово, но лишь за большую вину и под сердитую руку за великое и за страшное ослушание и нерадение» (Колесов 1990, с. 245).

В общем (объективном) смысле разумность понимается как познавательная способность людей, обуславливающая целесообразный характер их действий и масштаб оценки поведения субъектов. В гражданском праве разумность понимается либо как один из принципов, либо как одна из гражданско-правовых обязанностей (Виниченко 2003), либо как оценочное понятие, либо как правовая презумпция. В литературе принцип разумности, как отраслевой принцип, нередко предстает растворенным в принципе справедливости (Иванова 2005, с. 120). По мнению В. Белова обобщающим по отношению к принципу разумности является принцип добросовестности (Белов 1998, с. 50). Учитывая разноречивый характер мнений относительно правовой природы категории «разумность» Л. В. Борисова, обобщая высказанные в юридической литературе мнения, заключает: «Одни авторы утверждают, что разумность является законодательным требованием, другие воздерживаются от ее правовой оценки и ограничиваются упоминанием в рамках какого-либо вопроса, третьи рассматривают разумность как принцип права» (Борисова 2008, с. 22 – 23).

Признавая очевидную взаимосвязь добросовестности, справедливости и разумности, необходимо отметить их самостоятельное, автономное функционирование. Категория «разумность» характеризуется определенными критериями. Прежде всего, отметим, что разумное мышление опирается на рациональную форму познания. Что означает эта форма? И. Кант считал, что «познание разумом может относиться к своему предмету двояко, а именно: либо просто определять этот предмет и его понятие (которое должно быть дано другим путем), либо осуществлять его. Первое означает теоретическое, а второе – практическое познание разумом» (Кант 1964, с. 82).

В своей практической деятельности такие основные формы познания, как рациональное (логическое), иррациональное (чувственное) и эмпирическое (опытное) существуют в неразрывном единстве. Определение и осуществление той или иной практической деятельности реализуется посредством рациональной формы мышления, опирающейся на основные логические законы. Вместе с тем принципу разумности соответствует и иррациональная форма познания, которая исходя из теоретического допущения о том, что в праве его субъект реализует свою свободу, основана исключительно на индивидуальных свойствах субъекта.

Рациональность, наряду с истиной, объективностью и др. – одна из основных категорий классической философии. По мнению сторонников одной из постклассических теорий права, а именно антрополого-диалогической теории права, классическая рациональность заменяется постклассической, например, коммуникативной (Касавин, Порус 2009; Огурцов, Розин 2009; Никифоров 2008). Более того, И. Л. Честнов приходит к выводу о наличии оснований сомневаться в рациональности права (Честнов 2012, с. 607).

Для доказательства рациональности права необходимо показать, что оно соответствует разуму, олицетворяет собой разумное начало, что оно создается и функционирует в соответствии с законами разума, сознательно. Сторонник рациональности права Б. А. Кистяковский утверждал, что право – это логика понятия, созданного разумом (Кистяковский 1999, с. 202). По его мнению, проблема рационального и иррационального в праве решается в (1) логическом (понятие и воля); (2) техническом (целесообразное и нецелесообразное); (3) этическом (доброе и злое); (4) философско-историческом (осмысленное и бессмысленное) планах (Кистяковский 1999, с. 220). При этом понятие полагалось им в качестве наиболее распространенной формы рационального. Соответственно, право рационально, поскольку состоит из объективных и рациональных норм. Однако реальное воплощение позитивного права (законода-

тельных норм) в практической жизни, т.е. в правоотношениях, а далее в субъективных правах и юридических обязанностях – нормах права являются и субъективными, и иррациональными. Дело в том, что в правосознании юриста (профессиональном правосознании) правовые нормы «...оказываются связанными главным образом не с интеллектом, а с волей» из чего следует, что «...сущность этих волевых движений, порождаемых правовыми нормами в сознании, безусловно, иррациональна. Она коренится в темных подсознательных глубинах нашей души» (Кистяковский 1999, с. 219 – 220).

Следует отметить, что иррациональность права связана с тем, что она имеет дело с единичными, конкретными фактами. Именно об этом писал С. А. Муромцев: «Существенная задача судьи состоит в индивидуализировании права. Если закон выражается общими правилами, то дело судьи в каждом случае придать такому общему правилу свой особый смысл, соответствующий с условиями случая» (Муромцев 1893, с. 12). Нельзя также пройти мимо того факта, что процесс формирования специальных, даже основополагающих правовых понятий, таких как «право», «правовое регулирование», «механизм правового регулирования», «цель в праве», «функция права», «правовое средство» и др. еще далек от завершения, а содержание этих абстракций остается дискуссионным.

Как отмечал Е. В. Булыгин, видение права с точки зрения логики и, прежде всего, сформулированной фон Вригтом деонтической логики, позволяет увидеть скрытую в праве рациональность (Антонов 2014, с. 204). В свою очередь К. Каркова, акцентируя внимание на недостатках позитивизма (в частности на самореферентности юридического языка и создаваемых юристами конструкций) и других направлений философии права, которые пренебрегают реалиями социальной действительности и предпочитают описывать право не через жизненный мир человека, а через абстрактные понятийные схемы, ценности и принципы, полагает, что только коммуникативное взаимодействие является первичной реальностью права, которая наполняется символами, знаками, значениями и раскрывается через них, но при этом исключительно через них не может быть объяснена.

По мнению Р. Виго рациональность права возможна только в контексте философии практического разума. Такое объяснение в истории правовой мысли принимало четыре формы, позволяющие по-разному рассматривать проблему прав человека, которая опирается на тот или иной моральный дискурс, формирующий практическую рациональность, наполняющую позитивное право материальным содержанием: (1) рационалистический юснатурализм, исходящий из познаваемости истинных и очевидных принципов права и из возможности выведения из этих принципов для конкретных случаев необходимых следствий; (2) теологический юснатурализм (Фома Аквинский), также исходящий из познаваемости абсолютных принципов, но не рассматривающий выводимые следствия как необходимые; (3) слабый аргументативизм (Х. Перельман), утверждавший, что принципы права являются не истинными, а лишь «правдоподобными», а выводимые из них следствия не являются необходимыми; (4) сильный аргументативизм (А. Аарнио, А. Печение), констатирующий, что принципы права носят лишь правдоподобный характер, но выводимые следствия являются необходимыми (Антонов 2014, с. 205).

Вместе с тем, рационально-логический метод, опирается на линейную причинность, для которой характерны: (1) последовательность во времени; (2) соподчиненность в одном пространстве; (3) дискуссионность; (4) энергетическое и информационное взаимодействие; (5) сопутствующие условия, по-прежнему остается ведущим в правоведении.

В заключение представляется уместным привести слова Г.В.Ф. Гегеля: «В праве человек должен найти свой разум, должен, следовательно, рассматривать разумность права, и этим занимается наша наука в отличие от позитивной юриспруденции, которая часто имеет дело с противоречиями» (Гегель 1990, с. 57 – 58).

Библиография

- Антонов М. В. (2014) Рациональность в праве. – Право. Журнал Высшей школы экономики. № 3. С. 198 – 208.
- Байтин М. И. (2005) Сущность права. Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. Москва: ООО ИД «Право и государство».
- Бауман З. (2005) Индивидуализированное общество. Москва: Логос.
- Белов В. (1998) Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права. – Законодательство. № 8. С. 49 – 52.
- Борисова Л. В. (2008) Принцип разумности в российском гражданском процессе. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право.
- Вебер М. (1990) Основные социологические понятия. – Избранные произведения. Москва: Прогресс. С. 602 – 643.
- Виниченко Ю. В. (2003) Разумность в гражданском праве Российской Федерации. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Санкт-Петербург: МВД России Санкт-Петербургский университет. [http://lawtheses.com/razumnost-v-grazhdan skom -prave-rossiyskoy-federacii](http://lawtheses.com/razumnost-v-grazhdan-skom-prave-rossiyskoy-federacii)
- Всеобщая декларация прав человека. (2021) [https://www.un.org/ru/ documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml)
- Гегель Г.В.Ф. (1974) Наука логики. Энциклопедия философских наук. В 3-х т. Т. 1. Москва: Издательство «Мысль».
- Гегель Г. В. Ф. (1956) Философия духа. – Сочинения. Т. III. Ч. 3. Москва: Государственное издательство политической литературы.
- Гегель Г. В. Ф. (1990) Философия права. Москва: Мысль.
- Давыдов Ю. Н. (1996) М. Вебер и проблема интерпретации рациональности. – Вопросы социологии. Выпуск 6. С.71 – 77.
- Иванова С. А. (2005) Некоторые проблемы реализации принципа социальной справедливости, разумности и добросовестности в гражданском праве. – Законодательство и экономика. № 4. С. 43 – 46.
- Кант И. (1964) Критика чистого разума. – Сочинения. Т. 3. Москва: Издательство «Мысль».
- Касавин И. Т., Порус В. Н. (2009) Введение. – И.Т. Касавин, В.Н. Порус (ред.) Коммуникативная рациональность. Эпистемологический подход. Москва: ИФ РАН.
- Касавин И. Т., Порус В. Н. (ред.) (2009) Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход. Москва: ИФ РАН.
- Кистяковский Б. А. (1999) Философия и социология права / Сост., примеч., указ. В. В. Сапова. Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского гуманитарного института.

- Колесов В. В. (сост.) (1990) Домострой. Москва: Советская Россия.
- Копнин П. В. (1973) Диалектика как логика и теория познания. Опыт логико-гносеологического исследования. Москва: Издательство «Наука».
- Копнин П. В. (1968) О рациональном и иррациональном. – Вопросы философии. № 5. С. 112 – 121.
- Лебедев В. М. (2000) Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации. Москва: Российская академия правосудия.
- Мальцев Г. В. (1999) Понимание права. Подходы и проблемы. Москва: Прометей.
- Мальцев Г. В. (2011) Социальные основания права. Москва: Норма: ИНФРА-М,
- Марков Б.В. (2000) Мораль и разум. – Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Санкт-Петербург: Наука.
- Мудрагей Н. С. (1996) Рациональное – иррациональное: взаимодействие и противостояние. – Исторические типы рациональности. Т.1. Москва: ИФРАН. С.71– 87.
- Муромцев С. (1893) Право и справедливость. Сборник правоведения и общественных знаний. Труды Юридического общества, состоящего при Императорском Московском университете, и его статистического отделения. Т. 2. Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича.
- Нерсесянц В. С. (1983) Право и закон. Из истории правовых учений. Москва: «Наука».
- Никифоров А. Л. (1995) Соотношение рациональности и свободы в человеческой деятельности. – В. А. Лекторский (ред.) Исторические типы рациональности. Т.1. Москва: ИФ РАН. С. 282 – 298.
- Никифоров А. Л. (ред.) (2008) Понятие истины в социогуманитарном познании. Москва: ИФ РАН.
- Никифоров В. (2008) Избранные работы разных лет. Рига: SIA JUMI.
- Нуреев Р. М. (2005) Теория общественного выбора. Курс лекций: учеб. пособие для вузов. Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ.
- Огурцов А. П., Розин В. М. (ред.) (2009) Наука: от методологии к онтологии Москва: ИФ РАН.
- Паретто В. (2008) Компендиум по общей социологии. Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ.
- Познер Р. А. (2004) Экономический анализ права. Т.1. Санкт-Петербург: Экономическая школа.
- Рассел Б. (1993) Воля к сомнению. – П. С. Гуревич (сост.) Феномен человека: Антология. Москва: Высшая школа. С.160 –167.
- Садурский В. (2008) «Разумность» и плюрализм ценностей в праве и политике. – Сравнительное конституционное обозрение. № 4 (65). С. 21 – 36.

Слоян Г. Г. (2008) Правосудие как коммуникативный дискурс справедливости. – Философия права в России. Теоретические принципы и нравственные основания. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербур. гос. ун.-та. С. 95 – 104.

Спиноза Б. (1957) Политический трактат. – Избранные произведения. Т. 2. Москва: Государственное издательство политической литературы. С. 285 – 382.

Стёпин В. С. (2012) Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция. – А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский (ред.) Рациональность и ее границы: Материалы международной научной конференции «Рациональность и ее границы» в рамках заседания Международного института философии в Москве (15 – 18 сентября 2011г.) Москва: ИФРАН.

Стёпин В. С. (1999) Теоретическое знание. Москва: Прогресс – Традиция.

Стёпин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. (1995) Философия науки и техники. Учебное пособие. Москва: Контакт – Альфа.

Труфанов Д. О. (2011) Проблема социальной рациональности в теории солидарности Э. Дюркгейма. Постнеклассический (универсумный) подход. – Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер.7. № 3 (15). С. 28 – 36.

Фромм Э. (1986) Иметь или быть? Москва: Прогресс.

Хабермас Ю. (2000) Моральное сознание и коммуникативное действие. Санкт-Петербург: Наука.

Хеффе О., Малахов В. С., Филатов В.Т. (ред.) (2009) Современная западная философия. Энциклопедический словарь Москва: Культурная революция.

Хюбнер К. (1994) Критика научного разума. Москва: ИФ РАН.

Честнов И. Л. (2007) Постклассическая методология в юриспруденции. – Н.И. Матузов, А. В. Малько (ред.) Современные методы исследования в правоведении. Саратов: СЮИ МВД России.

Честнов И. Л. (2012) Постклассическая теория права. Монография. Санкт-Петербург: Издательский Дом «Алеф-Пресс».

Честнов И. Л. (2002) Правопонимание в эпоху постмодерна. – Правоведение. № 2. С. 44 – 56.

Шагиева Р. В. (ред.) (2011) Актуальные проблемы теории государства и права. Москва: Норма: ИНФРА-М.

Шопенгауэр А. (1900) Мир как воля и представление. – Полн. собр. соч. Т. 1. Москва: И. Н. Кушнарев и К.

Юм Д. (1965) Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам. – Сочинения. Т. 1. Москва: Мысль.

References

- Antonov M. V. (2014) Rationality in law. Law. Journal of the Higher School of Economics. No 3. Pp. 198 – 208.
- Bauman Z. (2005) Individualized society. Moscow: Logos.
- Baytin M. I. (2001) Essence of law. Saratov: Saratov State Academy of Law.
- Bayitin M. I. (2005) Essence of law modern normative legal understanding on the verge of two centuries. Moscow: LLC PH «Law and state».
- Belov V. (1998) Conscientiousness, reasonableness, justice as principles of civil law. – Legislation. No. 8. Pp. 49-52.
- Borisova L. V. (2008) The principle of reasonableness in Russian civil process: textbook for universities. Moscow: UNITY-DANA: Legal act and law.
- Chestnov I. L. (2002) Law understanding in the postmodern era. – Pravovedenie. No. 2. Pp. 44-56.
- Chestnov I. L. (2007) Postclassical methodology in jurisprudence. – Modern research methods in jurisprudence / ed. by N. I. Matuzova and A.V. Malko. Saratov: Saratov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Federation.
- Chestnov I. L. (2012) Postclassical theory of law. Monograph. Saint-Petersburg: “Alef-Press” Publishing House.
- Davydov Y. N. (1996) M. Weber and the problem of interpretation of rationality. – Questions of sociology. Edition 6. Pp. 71-77.
- Fromm E. (1986) To Have or to be? Moscow: Progress.
- Habermas J. (2000) Moral consciousness and communicative action. Saint-Petersburg: Science.
- Heffe O., V.S. Malakhov V.S., Filatova V.T. (eds.) (2009) Modern Western philosophy. Encyclopedic dictionary. Moscow: Cultural revolution.
- Hegel G. F. V. (1974) Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol. 1. The science of logic. Moscow: Publishing House "Mysl".
- Hegel G. V. F. (1990) Philosophy of law. Moscow: Mysl'.
- Hegel G. V. F. (1956) Philosophy of the spirit. Vol. III. Part 3. Moscow: State publishing house of political literature.
- Hume D. (1965) Treatise on human nature, or an attempt to apply an experience-based method of reasoning to moral subjects. – Essays. Vol. 1. Moscow: Thought.
- Hübner K. (1994) Critique of scientific reason / ed. by V. N. Porus. Moscow: Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences.

- Ivanova S. A. (2005) Some problems of implementation of the principle of social justice, reasonableness and conscientiousness in civil law. – Legislation and Economics. No. 4. Pp. 43-46.
- Kant I. (1964) Critique of pure reason. – Essays. Vol. 3. Moscow: Mysl' Publishing House.
- Kasavin I.T., Porus V. N. (eds.) (2009) Communicative rationality. The epistemological approach. Moscow: IF RAN.
- Kasavin I.T., Porus V. N. (2009) Introduction. – I.T. Kasavin, V.N. Porus (eds.) Communicative rationality. The epistemological approach. Moscow: IF RAN.
- Kistyakovskiy B. A. (1999) Philosophy and sociology of law. Saint-Petersburg: Publishing house of the Russian Christian humanitarian Institute.
- Kolesov B.V. (ed.) (1990) Domostroy. Moscow: Soviet Russia.
- Kopnin P.V. (1973) Dialectics as logic and theory of knowledge. Experience of logical-epistemological research. Moscow: Nauka Publishing House.
- Kopnin P.V. (1968) On the rational and irrational. – Questions of philosophy. No. 5. P. 112-121.
- Lebedev V. M. (2000) Formation and development of the judicial power in Russian Federation. Moscow: Russian Academy of Justice.
- Maltsev G.V. (2011) Social foundations of law. – Moscow: Norma: INFRA-M.
- Maltsev G. V. (1999) Understanding of law. Approaches and problems. Moscow: Prometheus.
- Markov B. V. (2000) Morals and reason. – Afterword to the book: Habermas J. Moral consciousness and communicative action. Moscow: Nauka.
- Mudragey N.S. (1996) Rational-irrational: interaction and opposition. – Historical types of rationality. Moscow: IF RAN. Pp. 71-87.
- Muromtsev S. (1893) Law and justice. – Collection of jurisprudence and public knowledge. The Law Society, which is affiliated with the Imperial Moscow University. Saint-Petersburg: Printing house of M. M. Stasyulevich.
- Nersesyants V. S. (1983) Law and legal act. From the history of legal doctrines. Moscow: «Nauka».
- Nikiforov A. L. (ed.) (2008) The concept of truth in socio-humanitarian knowledge. Moscow: IF RAN.
- Nikiforov A. L. (1995) The ratio of rationality and freedom in human activity. – V. A. Lektorsky (ed.) Historical types of rationality. Vol. 1. Moscow: IF RAN. Pp. 282-298.
- Nikiforov V. (2008) Selected works of different years. Riga: SIA "JUMI".
- Nureyev R. M. (2005) Theory of public choice. Course of lectures: studies. The textbook for high schools. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics.

- Ogurtsov A. P., Rozin V. M. (eds.) (2009) Science: from methodology to ontology. Moscow: IF RAN.
- Pareto V. (2008) Compendium of general sociology. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics.
- Pozner R. A. (2004) Economic analysis of law. Vol. 1. Saint-Petersburg: Economic school.
- Russell B. (1993) Will to doubt. – P S. Gurevich (ed.) Phenomenon of man: an anthology. Moscow: Higher school. Pp. 160-167.
- Sadursky V. (2008) "Reasonableness" and pluralism of values in law and politics. – Comparative constitutional review. No. 4 (65) Pp. 21-36.
- Schopenhauer A. (1900) World as will and representation. – Full collections of essays. Vol. I. Moscow.
- Shagiyeva R.V. (ed.) (2011) Actual problems of the theory of state and law: textbook. Moscow: Norma: INFRA-M.
- Sloyan G. G. (2008) Justice as a communicative discourse of justice. – Philosophy of law in Russia. Theoretical principles and moral grounds. Saint-Petersburg: Publishing house of SPSU. Pp.95-104.
- Stepin V. S. (2012) Scientific rationality in technogenic culture: types and historical evolution. – A.A. Guseynov, V.A. Lektorsky (eds.)Rationality and its borders: Materials of the international scientific conference "Rationality and its borders" within the meeting of the International Institute of philosophy in Moscow (September 15-18, 2011). Moscow: IF RAN.
- Spinoza B. (1957) Political treatise. – Selected works. Vol. 2. Moscow: State publishing house of political literature. P. 285 – 382.
- Stepin V.S. (1999) Theoretical knowledge. Moscow: Progress-Tradition.
- Stepin V.S., Gorokhov V. G., Rozov M. A. (1995) Philosophy of science and technology: textbook. Moscow: Kontakt-Alfa.
- Trufanov D. O. (2011) Problem of social rationality in E. Durkheim's theory of solidarity. Post-non- classical (universal) approach. – Bulletin of the Volgograd state University. Ser.7. No. 3 (15). Pp. 28-36.
- Universal Declaration of Human Rights. (2021) http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
- Vinichenko Y. V. (2003) Reasonableness in the civil law of the Russian Federation. Abstract of dissertation. PhD in law. Saint-Petersburg: Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg University. <http://lawtheses.com/razumnost-v-grazhdanskom-prave-rossiyskoy-federacii>
- Weber M. (1990) Basic sociological concepts. – Selected works. Moscow: Progress. Pp. 602 – 643.